

Я родился и вырос на Северном Сахалине, где климат суровый, с крепкими морозами и ночными всполохами полярного сияния. Но когда прибыл в начатый строительством город Красноярск-45 и приступил с 15 сентября 1959 года к работе мастером предприятия почтовый ящик № 55, ведущим электромонтажные работы, был изумлён суровостью здешнего климата.

Уже в середине октября установились морозы до минус тридцати градусов. Причём снег ещё не выпадал. Ходить по такому морозу в кирзовых сапогах, которые я привёз с собой из Свердловска, было не очень комфортно. Бригадир моего участка Борис Иосифович Марьев посоветовал мне купить унты в КМТС (контора материально-технического снабжения) управления строительства (предприятие п/я № 89).

Получив свой первый аванс в размере пятисот рублей, пошёл в КМТС. Без долгих хлопот уплатил в кассе конторы четыреста девяносто восемь рублей и стал обладателем великолепных унтов. Так вот и ходили на работу: кто в валенках, кто в унтах, а кое-кто и в фетровых бурках. А вокруг — ни снежинки!

Во второй половине декабря моему мастерскому участку дали задание выполнить электромонтажные работы на трёх артезианских скважинах подземного водозабора в селе Успенка Рыбинского района.

В это село переселялись семьи работников колхоза, который располагался на землях, отведённых под строительство молодого города и будущего предприятия п/я 285 (электрохимический завод). В Успенке для переселенцев строились жилые индивидуальные дома, школа, столовая, магазин, контора образованного совхоза, животноводческие помещения. Все работы выполнялись силами предприятий и за счёт средств Минсредмаша СССР.

Работы в Успенке выполнялись четырьмя электромонтажниками. Остальная часть бригады Б. И. Марьева выполняла электромонтажные работы на строящейся на окраине посёлка Заозёрного железнодорожной станции примыкания, получившей название Партизанская, от которой начиналась ветка к строящемуся Красноярску-45.

Рабочих в Успенку завозили автомашиной в понедельник и забирали вечером в субботу. Жили они в деревянном домишке, предоставленном руководством совхоза. Дрова и уголь мы завозили сами.

На Новый год погода была без крепких морозов. Но сразу после праздника установились морозы с температурой минус пятьдесят пять — пятьдесят девять градусов. Вывезти рабочих из Успенки в очередную субботу было невозможно, так как автомашину в такие морозы не завезёшь.

Телефонной связи в Успенке нет. А у ребят ни денег, ни продуктов. Из четверых застрявших в Успенке двое жили в общежитии, а двое были семейными.

Вечером в субботу ходил на квартиры семейных мужиков, они жили в посёлке Октябрьский, где и я. Как мог, успокоил жён и предложил им подготовить для передачи мужьям продукты и тёплое бельё. Сказал им, что в понедельник, если мороз не ослабнет, пойду в Успенку на лыжах. Лыжи я купил ещё в ноябре. Родители прислали мне с Сахалина отцовский полушубок и меховые варежки.

Бригадир Марьев дал мне армейскую шерстяную шлем-маску, чтобы не обморозить лицо.

В воскресенье сходил за передачами. Одна супруга налепила и наморозила пельменей, подготовила смену нательного белья, вторая — нажарила котлет и положила тёплые вязаные перчатки — надевать под рабочие рукавицы-верхонки. Купил в магазине круг краковской колбасы и бутылку спирта (в лечебных целях).

Вечером позвонил на квартиру начальника участка Попкова Александра Владимировича. Супруга сообщила, что он ушёл в гости к знакомым, но там нет телефона. Попросил передать Попкову, что я решил на лыжах сходить в Успенку, чтобы побывать у застрявших там из-за мороза рабочих.

Утром позвонил (в общежитии был общий телефон в коридоре) диспетчеру предприятия, сообщил о выходе в Успенку и попросил известить об этом Попкова А. В. Диспетчер предупредил, что на улице минус пятьдесят семь градусов.

Решил идти по накатанной дороге, так как в течение декабря снежный покров установился более полуметра.

На улице стоял густой морозный туман. До временного КПП дошёл быстро. Хотя лыжи на морозной дороге издавали изрядный скрип, из будки никто из солдат комендатуры не вышел.

В районе моста через ручей Инкала встретил лошадь, запряжённую в сани. Лошадь вся в снежном куржаке. А мужик, закутавшись в тулуп с головой, даже не высунул носа.

В Заозёрном зашёл в столовую около конторы Юго-восточных электросетей и пообедал. Узнал, что в Заозёрном температура «всего» минус сорок восемь градусов.

До Успенки надо было пройти ещё двенадцать километров. Пришёл к домишке, где квартировали наши рабочие, часам к трём дня. Уже начало смеркаться.

В доме был дежурный, который поддерживал печку, чтобы не выстывал дом.

Парень обрадовался, когда я снял шлем-маску, и побежал за остальными, успев сказать, что температура утром

(да и днём) была минус сорок четыре градуса и ребята решили работать.

Вскоре все четверо были в домике. Устроили роскошный ужин из доставленных пельменей и котлет. На столе была квашеная капуста, которой угостили соседи.

Утром температура была всего минус сорок два градуса. Рабочие посоветовали идти через деревни Александровку, Печору и Искру. Сказали, так будет ближе. Проводили меня до выхода из Успенки и указали на просеку, которая выходит на Александровку. На просеке никаких следов. После последних снегопадов никто по ней на лошадях не проезжал.

Идти было несложно, так как лыжи глубоко в снег не утопали.

Тишина просто оглушительная, берёзы в снежном куржаке. Просто красота!

Шлем-маску надевать не стал.

Сказали, что до Александровки примерно восемь километров. По пути увидел место, где волк догнал зайца. Волк настиг его, видимо, из засады. Местные охотники рассказывали, что волки на зайца охотятся загоном. Молодые волки идут по следу, а вожак стаи или матёрая волчица уходит вперёд зайца по пути ухода от погони и ждут его в засаде. Заяц в морозы прячется в снегу. А когда поймёт, что обнаружен, выскакивает из снега и пулей мчится от врагов, ничего не замечая вокруг себя.

Вот здесь-то и настигает его хищник, находящийся в засаде.

В этом месте просека пересекала неширокое поле, скорее поляну, которая уходила вверх по пологому склону в березняк метров на сто. Следы зайца (он бежал большими прыжками) шли от одного края поляны вниз по склону, а следы волка — с противоположной стороны поляны наперез под углом к следам зайца.

На месте лесной трагедии от зайца остался небольшой клочок шерсти. Волк даже окровавленный снег съел.

Поневоле нащупал засунутый в унт тесак в ножнах, который мне дали ребята, так как они слышали, что в округе с морозами появились волки.

От Александровки до самой Искры шёл по накатанной дороге. А вот дальше пришлось туго. От Искры дороги не было, а снег был какой-то сыпучий, в который глубоко проваливались лыжи. Особенно трудно дался переход через глубокий овраг.

Когда увидел огоньки посёлка Овражный, я уже сильно устал. Да и быстро по такому снегу не пойдёшь. К Овражному подошёл, когда уже стало смеркаться.

Когда вышел на накатанную дорогу, решил идти без лыж. Лыжи бечёвкой привязал к хлястику полушубка. Так и пришёл к общежитию в посёлке Октябрьский. В коридоре поставил лыжи к стенке и без сил сел прямо на пол. Здесь меня и увидели ребята из нашего п/я 55.

Помогли мне подняться и довели до комнаты. С их помощью я снял с себя полушубок, унты и ватные брюки.

Ребята сказали, что руководство стройки обеспокоилось, что я ушёл в такой мороз. Отправили в Успенку дежурную автомашину, которая стояла в тёплом гараже, а нашего Попкова А. В. обязали находиться в рабочем кабинете, пока меня не найдут.

Позвонил ему на работу. Он мне долго в крепких выражениях разъяснял, что он обо мне думает. Потом сказал, что утром к девяти ноль-ноль мы с ним должны прибыть в контору управления строительства, к начальнику стройки Полоскову Константину Николаевичу.

Утром температура была около минус тридцати градусов. Я пешком пришёл в контору нашего предприятия. Диспетчер усадил меня в дежурную автомашину и отправил в управление стройки, которое располагалось в бараке в районе, где сейчас находится здание ГАИ.

В приёмной уже был Попков А. В.

Вскоре в кабинет Полоскова К. Н. стали подходить участники совещания (в мою честь, получается!): первый секретарь райкома партии Жуков Василий Кондратьевич,

директор предприятия п/я 285 Бортников Иван Николаевич, председатель исполкома районного совета депутатов трудящихся Соколов Николай Семёнович, начальник отделения КГБ и начальник райотдела милиции.

Потом пригласили и нас. Сначала заслушали Попкова А. В., потом меня. Я рассказал всё, как было. Не забыл сказать, что уведомил диспетчера предприятия о своём уходе в Успенку.

И добавил, что как комсорг предприятия не мог оставаться в тёплом бараке, когда неизвестна судьба людей, оказавшихся отрезанными от семей и коллектива.

Потом с упрёками выступил Соколов Н. С. На его замечание, что я мог замёрзнуть по дороге в Успенку, я сказал, что я родился на Северном Сахалине, а там крепкие морозы каждую зиму бывают.

Вмешался Иван Николаевич Бортников. Он спросил, что я от себя рабочим отнёс. Я честно доложил: папиросы, колбасу и бутылку спирта в лечебных целях. Бортников И. Н. заключил просто: «Хватит парня ругать. Он — наш мужик!» На том нас и отпустили.

Вот так я ближе познакомился с руководителями города и объекта.

Уже на улице Попков А. В. сказал, что мы дёшево отделались. И пообещал в следующий мой поход показать мне кузькину и ещё чью-то маму.

После возвращения в посёлок ходил и отдал записки, которые со мной передали семейные своим жёнам.

Скажу по секрету: приятно было смотреть на счастливые лица женщин и их ребятишек.